

МИКРОЛИТЪ

ПОРТО-ФРАНКО 4

КРАСНЫЙ БУДУЛЬНИК

ГУЛЬКЕВИЧ 2014

МИКРОЛПЪ

ПОРТО-ФРАНКО № 4

КРАСНЫЙ БУДИЛЬНИК

Литературный журнал «Микроліт». Порто-франко №4. 2014

Главный редактор	Иван Кротов
Заместитель редактора	Александр Мартусенко
Художественный редактор	Ирина Гаркуша
Заместитель редактора по связям с общественностью	Павел Уваров

тел. в СПб: 8-965-761-73-44

Редколлегия:	Анна Мамаенко Андрей Насонов
--------------	---------------------------------

Работа с интернет-ресурсами:	Павел Уваров, Александр Гусев
------------------------------	-------------------------------

Творческий совет:	Игорь Васильев Иван Карасев Нина Хрущ
-------------------	---

Верстка:	Иван Кротов
----------	-------------

На первой странице работа И. Карасева “Искажение паруса”.

Дизайн обложки, оформление номера – Ирина Гаркуша

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с читателями. Перепечатка материалов по согласию с редакцией.

Наш сайт: <http://microlit.intentia.su/index.html>

Адрес для писем: 352152, Краснодарский край, г. Гулькевичи, ул. Пионерская 96, ТО «Ладомир». e-mail: wall55@mail.ru. Тел: (86160) 5-32-63

Красный будильник

Из мусорных куч, высившихся до самого горизонта, проклевывалось неяркое солнце. Еще не подъехали шумные грейдеры, и не пришли бродяги, ежедневно выскивавшие в этом море отбросов что-нибудь, что могло еще хоть как-то быть полезным. Даже чайки, колония которых с незапамятных времен жила на свалке, мирно спали, спрятав головы под белоснежные крылья. И вот, посреди этого безмятежного мусорного рая раздался звук, похожий на трубный глас, возвещающий время последнего суда. Перепуганные птицы сорвались с мест, и, крича, разлетелись в разные стороны. Через некоторое время они с опаской подлетели к картонной коробке, из которой разносился оглушительный металлический зов. Там, завернутый в скатерть с выцветшей вышивкой, лежал когда-то ярко-красный, а теперь безнадежно серый будильник. И звенел. Так, как привык на протяжении последних пятидесяти лет. Оглушительно, настойчиво и сердито.

Еще вчера он стоял на старом комодe, там, где провел всю жизнь, с тех пор, как его, завернутого в хрустящую бумагу, принесли из универмага. Будильник был очень горд собой. Еще бы – на него возложена такая ответственная задача – будить людей, чтобы они не опоздали на службу или учебу. И он с радостью делал это – ежедневно, в 6:30 утра, подпрыгивая от усердия на скатерти, вышитой матерью семейства. Стараясь подставить красный бок под луч солнца, так, чтобы все видели глубоко выбитое «сделано в СССР». И будильнику казалось, что нет на свете выше задачи, чем та, для которой его собрали на заводе, и нет в мире страны лучше, чем его родина.

Иногда он представлял себя горнистом, трубящим зорьку бойцам краснознаменной кавалерии. Как будто после его пронзительного зова поднимется конная лава, и устремится на рассвет, сверкая шашками и сминая вражеские цепи...

На самом деле, все в доме его тихо ненавидели. Отец семейства, инженер – за то, что ему по звонку приходится вставать и плестись на давно надоевший завод. Его жена, – за то, что после этого было невозможно заснуть, и волей-неволей приходилось подниматься и заниматься домашним хозяйством. А дети... Те, вообще, готовы были извести будильник. Они бросали его в ванну, запихивали в духовку... А он при этом тихо радовался,

поскольку был уверен, что о нем заботятся – моют и согревают. В благодарность за это он старался изо всех сил.

Шло время. Потускнела надпись на все еще красном боку. Да и страны, в которой его когда-то сделали, давно не было. Но ему все так же, каждое утро, мерещилась конница Буденного и молнии над полками.

Завод, где работал инженер, приватизировали и растащили. Когда это происходило, он впервые почувствовал, как были дороги ему надоевшие шумные цеха и прокуренное КБ. А через несколько лет инженер внезапно умер, так и не доиграв партию в шашки с соседом...

Мать семейства состарилась, ослепла, и больше не могла заниматься домашней работой. Собираясь в дом престарелых, она хотела забрать с собой будильник, как память о муже. Но в суматохе сборов совсем забыла, и уехала с пустыми руками.

Дети вздохнули – то ли с сожалением, то ли облегченно, и стали жить дальше. Старый будильник не вписывался в их картину мира и портил вид. Поэтому однажды его завернули в скатерть и выбросили.

Мусорные чайки метались над ним серебряными молниями, а он упрямо видел конную лаву во всполохах клинков. И звенел, звенел, звенел. Сначала настойчиво и грозно, а затем, словно поняв, что на его зов никто не поднимется, тихо и безнадежно...

Вдруг старый будильник увидел его и сразу узнал. Словно вырастая из мусорного кургана, к нему шел командир. Он был совершенно таким, как в его видениях, только намного старше. Подошел, улыбнулся в усы и, осторожно подняв будильник, положил за пазуху рваной, местами прожженной шинели. Там было тепло и спокойно. Будильник вспомнил, как дети грели его в духовке и его стальное сердце затикало громче.

Старик, чуть припадая на правую ногу, шел по едва заметной тропинке среди мусора. Ветер доносил запах дыма, и свивал пыль в маленькие вихри. Пыль оседала на следы командира, и уже через несколько минут их едва можно было различить на обугленной земле.

Командир вышел к остановке рейсового автобуса. Правая нога чертовски болела, когда он без сил рухнул на лавочку. Мутный от слёз взгляд командира бесцельно блуждал по её изрезанной поверхности. «Глупые дети, пытающиеся оставить свой след на поверхности этого мира... Чего они ждут? Автобуса? А может быть – понимания? Но этот рейс давно отменили, и последняя машина ушла по другому маршруту. Никогда не оборачивайтесь назад, если не хотите увидеть, как пыльный ветер приходит из-за мусорных куч, чтобы стереть ваши следы...». Через час, а может быть два, в облаке пыли появился жёлтый ПАЗик. Водитель притормозил,

пожалев старика, который вероятно не знал, что остановка давно заброшена. Командир с трудом влез в узкие двери, бережно придерживая будильник за пазухой.

Пассажиры недовольно морщились и отстранялись, когда он стал протискиваться назад. Упав на потрескавшийся дерматин, мужчина затих, окунув горячечный висок в стеклянную прохладу окна. Будильник прижимался к старому телу и чувствовал, как сердце командира бьется в такт с его механическим сердцем. В этот немой разговор никто не вмешивался. Пара накрашенных девиц, сидевших рядом, уже давно с хихиканьем и фырканием пересела.

В какой-то момент будильник почувствовал, что разговор оборвался на полуслове... Командир смотрел перед собой, но в его остановившемся взгляде отражались не спины пассажиров, а вражеские цепи, поднимающиеся там, вдали, за рекой. Он взмахнул рукой и скомандовал наступление...

На последней остановке выходящие заметили неподвижного человека на заднем сидении. «Уже набрался...» – они спешили пройти мимо. Только одна из девиц замерла, прислушиваясь и разглядывая командирскую шинель. Она ткнула локтем в бок свою подружку и та тоже вслушалась, и застыла с оторопелым взглядом. «Бомба!» – вдруг взвизгнули они хором, и опрометью рванули из дверей, истерически хихикая и отталкивая друг друга.

К автобусу стремительно стекались зеваки. Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, и заглядывая через плечо оказавшимся впереди. Хмурый полицейский заполнял бумаги и тихо переговаривался с водителем. А санитары привычно выносили тело на брезентовых носилках.

Полицейский удивленно повертел будильник в руках: «надо же, еще ходит...». И аккуратно поставил на землю, рядом с ларьком, где торговали чебуреками. Толпа расходилась, разочарованная скучным представлением.

А будильник по-прежнему показывал точное московское, словно у него внутри был не изношенный механизм, а кремлевские куранты. Хотя, на самом деле, больше всего ему хотелось сейчас рассказать кому-нибудь про свою боль. Про то, как командир оставил его, ушел в поход, забыв о маленьком горнисте... Незаметно сгустились сумерки и начался дождь. Будильник шел сквозь него, сквозь опустевшую площадь, сквозь влажно мерцающие звезды...

Когда его подняли с земли, он не сразу понял, что произошло – слишком далеко был сейчас. Девушка отряхнула с него листву и положила в потертый рюкзак. Потом они долго шли куда-то через ночь. Будильник очнулся только

тогда, когда свет ударил в циферблат и его поставили на стол, заваленный книгами.

Девушка как будто сразу забыла о нем, долго что-то читала, а после просто смотрела в исчерченный трещинами потолок. Потом встала с кровати, прошла на кухню и открыла вентиль газовой плиты. Вернувшись, она в первый раз по-настоящему заметила будильник. Ему снова стало тепло и спокойно, когда она провела пальцами по облупленному корпусу и заветной надписи. Он даже стал тикать громче, словно силясь сказать, что все еще будет хорошо... еще будет... обязательно... Девушка смотрела куда-то сквозь него, потом аккуратно поставила, вернулась на кухню, завернула вентиль и открыла окно. Теплый южный ветер ворвался в квартиру, вынося запах газа, и дыша ей в лицо терпким духом палой листвы, запахом начала учебного года.

Утром она проснулась от резкого звука. Нет, даже не звука – зова. Еще не окончательно пробудившись и не понимая, кто зовет ее, бросила взгляд на тумбочку. В этот момент в будильнике что-то жалобно щелкнуло и пружинка, развернувшись, выскочила и покатила по грязному полу, блеснув в свете так и не потушенной лампы. Но в полусне девушке показалось, что это всадник поднял коня на дыбы и что-то сверкнуло в его руке – может быть сабля, а может быть горн...

Вспомнив, что сегодня у нее назначено очередное собеседование, девушка торопливо засобиравлась. Хотя совсем не надеялась на хороший исход и еще вчера не думала на него идти. Слишком много прошло перед ее глазами контор, до края набитых равнодушием.

Через полчаса она уже разговаривала с руководителем небольшой организации, приятным пожилым человеком. И все силилась понять, кого ей напоминает работодатель. Вдруг словно вспышка молнии озарила – картинка из давно забытого учебника «Родной речи», иллюстрация к песне «Там вдали, за рекой». Только там красноармеец был молодой и мертвый. А еще – он был очень похож на всадника из ее сегодняшнего сна.

– С завтрашнего дня можете приступать к своим обязанностям. И помните - никогда не оборачивайтесь назад, если не хотите увидеть, как пыльный ветер приходит из-за мусорных куч, чтобы стереть ваши следы...

Печатается в сокращении.

АННА МАМАЕНКО

Коснись рукой доверчивых плодов –
И звёздная пыльца останется на пальцах.
Печальные глаза испытанных скитальцев
Мерцают меж созвездий светляков.

Уснувший пёс у верного костра
Один с тобой остался в целом свете,
На полпути к разбуженной планете,
Когда рука и рукопись пуста.

Плоды плывут в беременной воде.
По берегам стоят чужие дети.
Слова теряют силу на рассвете,
Уснув на свежескошенном дожде.

Легко струятся пальцы меж воды.
И мальчик-крысолов уводит день вчерашний.
И машет флюгер крыльями на башне
В неверном свете тающей звезды.

ИГОРЬ ГРАДОВ

Средство от скуки

- Мне скучно, бес...
- Фауст, опять ты за свое! Ну, что на этот раз?
- Просто скучно. Развлеки меня.
- Ладно, смотри: видишь тех двух мальчишек?
- Что играют на дороге? Да.
- Через пару минут из-за поворота вылетит повозка – лошади понесут.

Один из них попадет под колеса и погибнет. Выбери, который.

– Хм, интересно... Расскажи мне о них. О том, кем бы они стали, если бы...

– Изволь. Вон тот, чернявый, Адольф, из австрийских немцев. Прославится тем, что станет великим политиком, рейхсканцлером, возглавит Германию и приведет ее к великой славе. А потом – к небывалому позору и унижению. По его вине начнется самая страшная война в истории человечества, в которой погибнут десятки миллионов человек. Мужчин, женщин, детей. Перед смертью многие из них испытают невероятные страдания и муки...

– Я понял. А второй?

– Шлома, еврей. Очень умный и талантливый мальчик, он будет известным ученым. Через тридцать лет эмигрирует в Америку, спасаясь от сторонников той партии, которую создаст его детский друг Адольф, сменит имя и займется разработкой новой бомбы – самой мощной в мире. В конце войны две штуки их сбросят на японские города и превратят их в пыль. В адском пламени опять же погибнут сотни тысяч человек... И тоже в муках.

– Да, непростой выбор. Скажи, бес, а война неизбежна?

– Разумеется, Фауст. Ты же знаешь – колесо истории не остановить. Война не может начаться или закончиться по воле или прихоти одного человека, ее готовят многие. Адольф – лишь часть той силы, которая ведет к ней, хотя и очень важная. В грядущем столетии, кстати, будут две войны – сначала одна, в начале века, затем другая, почти в середине...

– А первую тоже начнет он?

– Нет, но примет в ней активное участие, что и определит его судьбу. А также судьбу всего мира...

– А что Шлома?

– Он станет великим физиком, и его вклад в создание страшной бомбы будет решающим. Именно он придумает, как взорвать ее... Кстати, сделают бомбу именно для того, чтобы убить Адольфа, но опоздают – ко времени ее создания он окажется уже мертвым. Так что скинут ее на совершенно невинных людей...

– Значит, погибнут миллионы людей или сотни тысяч?

– Да. Десятки миллионов – если ты спасешь Адольфа, но убьешь Шлому, и сотни тысяч, если наоборот. Выбирай, Фауст. И поторопись – повозка уже близко.

– Зло или очень большое зло? Непростой выбор. Знаешь, бес, хочу предложить тебе одну сделку. Я больше никогда ни о чем тебя не попрошу, если ты выполнишь мою последнюю просьбу.

– Говори, Фауст.

– Убей их обоих!

– Как скажешь...

– Мама, мама, там сейчас такое было! Повозка задавила двух мальчиков – возница не смог удержать лошадей...

– Слава Богу, Адольф, ты жив! Сколько раз я твердила тебе – не играй на дороге!

– Я и не играл, мама, просто шел из школы и увидел. Кстати, учитель нам задал написать о том, кем хочу стать...

– Ну, и кем же ты станешь, Адольф?

– Художником! Я буду учиться в Венской Академии художеств...

– Мефистофель, ты обманул меня!

– Разумеется, Фауст. Бесы всегда лгут... А теперь прощай, я выполнил твою последнюю просьбу. Увидимся в аду.

Пейзаж с двумя чайными ложечками

Пустынная плоскость стола
оканчивается холмами
посуды. Нет ничего, кроме встречи
двух чайных ложечек
и весенних желаний.
Двух чайных ложечек
забытых на неизвестной станции
поездами чашек;
двух лодочек
попавших в залив знакомств,
выброшенных из бури будней.
Их до сих пор качает,
то ли от не давнего чая,
то ли оттого, что стол подрагивает,
передавая тектонику волн
их волнующей встречи.
И с этого мига
все их чаянья от чая до чая
и чай вдвоём, и уже отчаливая
в космическом спряжении и разъединении
рук, и уже отчаиваясь,
они будут спрашивать –
это случай или дзинь-дзинь-дзинь?

Мираж в степи

Поезд лесополосы в зелённых клубах
дыма беззвучно раззявил чёрное
на встречу пространству. Кажется, падает
звонкое, но, оплавившись в мягкое, сворачивается
в свою тень, поглубже, улиткой, сохраняя прохладу
и только кузнечик, такой же сухой как бодылка
не оставляет свой пулемет, в горячем бою с мухами,
осыпающимися пеплом с истлевающих

трав, приготавливающие из любого трупа
точный его скелет. Сумеречная территория.
Полночь дня. Воздух смугл и солнце крутит
свой злой голографический синематограф –
сочную картинку миража.
После неверного обжига
треснула под тобой и повисла
пылью, став такой же рыжей, как Марс.
Сколько же здесь ты лежишь, подсохнув,
не знает никто, но
облака, как макроскопический снег
падают вечно.

ТАНЯ БАЖЕНОВА

большие глупые люди как вы и я
они склонны шумя вдоль и ощупью
а те нет - те другие
они быстро исчезли приглушенным фактом
незаметно несомненно
но конечно было все еще что-то
они - лопушились и переворачивались
все же острями вонзаясь таяли
все еще щелкая ладонями-метелками в черной дыре

лоснятся многолюдные мутные
обруч полубоком восходит на черной дыре
холод и жар чередуются договорившись
до общего цельного конца
тактильная тактика ложится текстилем на муть сегодняшнюю
Все вздыбливается

Изогнутое лопушистое веко
в полдуба изжелта-красные листья вылились
заплясала завитушками облачная пена
все суета.

Эксгибиционист

– В чём ваша проблема? – голос психолога был полон профессионального участия.

– У меня нет проблем.

– Прошу извинить, но все трое ваших родителей уверены в обратном... они говорят, что у вас имеются определённые трудности с обнажением...

– Да.

– О. вернее, тут сказано – *необнажением*...

– Да.

– О... тут проблема глубже, чем я полагала. Вы не желаете не только носить, но даже и называть...

– Проблема не во мне. А вот в... *этом*. Я не хочу *это*. Вот и всё.

– Инфантилизм, так и запишем. Дети ходят без... хм... *этого*. Вот и вы... вы хотите, чтобы все принимали вас за ребёнка?

– Я ничего не хочу!

– Так не бывает. Вы не кастрат и не член братства асексуалов, значит, у вашего тела есть потребности. И... хм... *это* может помочь вам определить...

– Они мне мешают! Давят, жмут. Они как наручники, только на...

– Ну-ну, успокойтесь! Нельзя же уподобляться дикарю, который отказывается надевать брюки только потому, что они давят и жмут. Сами подумайте – что останется от цивилизации, если позволить дикарям ходить по улице без брюк!

– Насколько я помню, некоторые шотландские общины до сих пор...

– Не передергивайте! Это вовсе не дикость, а этнические особенности, к которым надо относиться с уважением.

– Иногда я готов выйти на улицу вообще без...

– Странное желание. Как же тогда люди поймут, чего вы хотите?

– А если я и не хочу, чтобы они это понимали? Если я хочу оставить свои желания... только для себя?

Пауза.

– Крайняя степень ретроградного эгоизма., запущенный случай. Будь моя воля, я бы лечила вас... принудительно. Вы опасны. Такое нельзя оставлять... И лишь из уважения к вашим родителям я не вызову

санитаров немедленно. Улетайте. Улетайте как можно скорее и как можно дальше, ибо я сообщу о вашем состоянии в Комитет Психического Здоровья сразу же, как только вернусь в офис. А уж они-то медлить не станут!

– Спасибо.

– Не за что. Надеюсь, вы отыщете дыру, где нет клипсовой дифференциации и можно разгуливать в публичном месте с голыми ушами. И пусть это будет вам достойным наказанием.

Лишь бы...

Мир за окном перевернулся. Опять.

Вместе с окном, конечно.

Как же достал этот вечный круговорот. Народ дёрганный, измельчал от постоянного трения, торопится не по делу. Во, опять понеслись. Давно пора нормальный таймер поставить, двадцать второй век на дворе, а они всё процедурные минуты нашими перебежками отсчитывают.

Только ведь не поставят.

И не потому, что денег у отделения нет или излучения вредные – верьте больше! Какое излучение, если всё новьё на ваубатах работает, а это стопроцентный КПД и по нулям в любом ненужном диапазоне.

Просто нет ничего более традиционного, чем нетрадиционная медицина. И если уж прописали тебе УВЧ или электрофорез – то никаких таймеров! Наша родная колба, синей изоляцией замотанная, на тумбочке у подоконника. Вот и крутится мир в окне, как заведённый.

Машка из утренней смены думает, что мы сродни буддистским молитвенным барабанчикам, которые надо крутить, чтобы молитва дошла. Нас крутят, когда не остаётся надежды ни на что другое. И кто его знает, что на самом деле помогает больше – волночастоты с форезнутым электричеством, или мы, постоянно бегущие туда и обратно... Но об этом Машка никому никогда не скажет, тем более – клиентам. Их Машка определяет по наличию модной придури. Придурь, конечно, тоже можно болезнью считать, только лечить от неё ни смысла, ни выгоды. Ни самим клиентам, которые заскучают или новую взамен найдут, ни отделению нашему.

Для клиентов много вертеть не надо, им лишь бы причаститься свинцовой пластинкой да поойкать под минимальным напряжением. А если след на коже потом – так и вообще запредельное удовольствие.

Машка клиентам всегда говорит, что у нас точность выше, чем даже у квантовых. Врёт. Хотя вина не наша. Мы стараемся. Но какая уж тут точность, после стольких-то лет беготни? Так. Понты.

Мир четвёртый раз вертится. Ого! Не клиент... Мы, уже было перетёкшие сюда, тонкой безропотной струйкой устремляемся обратно.

Ну и ладно.

Ну и нетрудно нам, ещё раз сбегает, подумаешь...

Лишь бы помогло.

МАКСИМ ЧЕРЕПАНОВ

Пушистое пари

Императорский флагман величественно парил над планетой Новый Ниппон. Двое сидели в роскошной каюте – усталый мужчина лет сорока с бокалом коньяка в руке и легко одетая молодая девушка. Столик между ними являлся по совместительству экраном и демонстрировал ужасающую панораму разрушений.

– Мы потеряли до двадцати процентов населения, – говорила девушка, – свыше пятидесяти процентов нуждаются в медицинской помощи. Инфраструктура разрушена. Ситуация ужасающая. Нам необходимы сотни тысяч тонн еды, медикаментов. Десятки тысяч спасателей и медиков. И все это – так быстро, как только возможно!

Император объединенного человечества Бладров II посмотрел на ее заостренные ушки, покрытые нежной розовой шерсткой, после чего поднес бокал ко рту и сделал большой глоток. Черт бы побрал эту моду на легкие мутации. Никогда не понимал.

– Ицука, – обронил он, – сколько тебе полных лет?

– Двадцать три.

– Такая юная, и уже гегемон планеты...

– У нас была революция. Мы брали власть в бою.

– Да, я слышан...

Столик как раз показывал полуразрушенный город. Кое-где еще тлели пожары. Растерянные фигурки людей жались к окраинам.

– Также мне известно, что ты очень горда...

– Я вождь моего народа, – отвечала девушка, склонив голову.

Бладров хмыкнул.

– ...И предпочитаешь в постели женщин?

Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

– Это правда, сир.

– Ну что же... помочь вам можно, хотя ресурсы и ограничены. Как ты знаешь, идет война с мрыггами. Если я пойду тебе навстречу, ты тоже будешь должна кое-что для меня сделать.

– Всё, что угодно, для моего императора.

– Отлично. Раздевайся.

Девушка, ни слова не говоря, встала. На пол упали матросская курточка, клетчатая юбка, белые гольфы и лиф, последними были розовые трусики с котенком спереди. Котенок умывался.

Бладров поцокал языком.

– Повернись... хм. Так. Нагнись. Ага... можешь одеваться.

– А...

– Помощь вы получите, – и, жестом остановив дальнейшие вопросы, император поднес к уху коммуникатор:

– Алло, ставка? Адмирала Чена к аппарату. Да, это Бладров. Жду... Чен? Да погоди... потом доложишь... я тебе звоню сказать, что ты проспори. У нее НЕТ розового заячьего хвостика!

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

Русский космос

Обоз с лесом ждали поутру.

Чуть свет, Липунюшка нацепил лапоточки, да треух, да одежду теплую, и шагнул наружу. Там было черным-черно, и заря еще гуляла за окоемом. Зябли ручки и ножки, и Липунюшка резво припустил по реголиту.

Земной шар голубел в полнеба, дразнил теплом облачных разводьев, манил морской синевой да бурой зеленью суши сквозь прорехи в пологе туч. Звездочки сияли из далекого далека колко и льдяно. По близким орбитам споро ползли теплые искры человеческих орбиталищ и холодные светляки берлог марсианцев да венеритов.

Липунюшка засмотрелся на красу эту дивную, оступился и полетел в невесомую пыль.

Грянулся о Луну-матушку так, что треух слетел.

Рядом, согнувшись в поясе, хохотали братцы-домовые, пальцами тыкали, мордахи неумытые прятали в ладошки. Слезы из глаз летели мелким бисером. Потом бросились поднимать да отряхивать, а сами все посмеиваются. Потеха!

Липунюшка на своих сроду не забижался. Народец ведь незлой, хоть и непутевый. Опять же, неприхотливый — с Земли-то повыжили расплодившиеся без числа человеки, так на Луну подались всем миром. Воздуху надышали, воды с собой притащили на первый случай, а уж после рудный народец до подземелий докопался да колодцев нарыл. Вон они, гейзеры-то артезианские — в небо черное бьют да паром исходят по всему горизонту.

После люди и до Луны добрались — а тут на тебе: занято. Но решили все полюбовно. Малые человечеству третий гелий из лунного грунта мешками шлют, только успевают рогатки груз в небо зашвыривать. А те в обмен кометы с неба рушат — вон, гудит Луна под ногами, как колокол, не замолкает.

А чтоб веселее всем жилось, раскрутили родимую. Теперь все как у людей — и день, и ночь, и закаты, и восходы.

Чу! Тягловые горынычи тормозными факелами на небе отметились. Каждый в сани запряжен, а в санях березовые хлысты белеются. Привет с отчизны, значит.

Эх, налетай да разгружай! И город будет, и сад. Работы край непочатый. Засучил Липунюшка рукава душегрейки.
Дашь Китежградье!

СОФЬЯ ПШЕНИЧНИКОВА

Разные измерения

Я всегда наблюдал за соседом, ведь его участок находится на противоположной стороне. Мне казалось, что Генри, так его звали, самый странный человек на Земле. Когда наступали сумерки, он, одев солнцезащитные очки, начинал поливать цветы, а то и подстригать газонокосилкой свой участок. Я выходил, качал головой, недоумевая, что он делает, ведь пора готовиться ко сну. Но Генри махал мне и кричал: «Доброе утро!» А днем, укутавшись в плед, он сидел на лавке, что стояла у него на открытой веранде, и попивал коктейль, словно отдыхал после тяжелого рабочего дня. Да, можно было назвать его сумасшедшим, но...

Одним из вечеров, я возвращался с работы. У меня не было сил даже приготовить себе ужин. Я хотел прийти и лечь спать. Только тишина, я и сон. Открывая свою калитку, я ненароком глянул на соседский дом. Генри выкатывал из своего гаража снова газонокосилку. Представляя, какой шум она будет издавать, мешая мне наслаждаться сном, я нервно направился в его сторону.

– Генри, уже поздно, может, ты подстрижешь свой газон, к примеру, завтра?

– Но ведь такой чудесный день!

Мне хотелось закричать, что он сумасшедший, и ему нужно срочно лечиться, но я взглянул в его солнцезащитные очки и увидел отражения ярких солнечных лучей! Подняв голову, я увидел немного звезд, и тусклую луну. В тот момент я всё понял. Это ошибка. Ошибка измерений. Неужели люди, существующие на одной планете, в одном городе и даже в ста метрах друг от друга, живут в разных измерениях? У одних мрачная ночь, у других солнечный денёк, у одних дождь, у других радуга? И как быть теперь, зная, что мы живем в разных измерениях? Как договариваться о встрече с теми, у кого сейчас утро, а ты уже садишься ужинать? Конечно, так предназначено судьбой, что с людьми, живущих в другом измерении, я не должен был заговорить. И мой сосед, был ошибкой. Ошибкой моей судьбы.

– Хорошо, делай, что хочешь, – я улыбнулся Генри и пошел спать.

АРТЕМ ФРАНИЧ

Адамово знание

Что будет, когда теплый дождь распластается в холодных лужах улыбочивыми бликами и громоподобным шелканьем детских ног по лужам, Делать, что делать, как делать. Зачем?

Я смотрю, как убегает время и мне грустно. Я смотрю, как неумолимо идет волна к пустынному берегу и меня мучает тихая тоска. Тоска по будущему, которого нет. Волна дойдет до обточенной прибоем скалы, ударит в нее, отскочит, ударит снова, отскочит и уйдет в пустоту, развалившись на брызги. И сделать ничего нельзя. В предрассветной тьме я различаю дыхание Ани. Она еще спит. И не подозревает, что я уже давно проснулся и не могу спать. Это ее утро, она может поспать. А я сижу и сторожу ее сон. Точнее, делаю вид, что сторожу ее сон. Я смотрю на этот чертов горизонт, над которым взбухает чиряк рассвета. О, только покраснение, только намечающееся воспаление. Гной солнечных лучей протянется во

все стороны, распространяя сепсис, разгоняя бледные лоскуты утреннего тумана, впиваясь в блаженную ночь еще холодными зубами солнечных лейкоцитов. Потом он вздуется мутным красным шаром и прорвет утренней песней и зараза нового дня на целых 10 часов похитит у меня ночь, единственное стоящее время, когда боль тихо спит, унявшись после долгого дня борьбы с солнечной заразой. А Аня все спит. Ну и бог с ней. А у меня сегодня годовщина смерти.

Я делаю вид, что мне интересно. Я всегда делаю вид. Таков я, проживший на Земле 27 лет. Всего 27 гнусных и бессмысленных лет. Я искал, сколько можно искать. Я влюблялся, как это делали многие до меня и миллиарды после меня сделают. Учился, работал, имел женщин. Пока не наступила моя годовщина. Точнее, пока я о ней не узнал.

Смотрю, как чиряк рассвета взбухает над кожей горизонта. Аня сладко посапывает у меня под боком, уткнувшись туда. Сладко тихо посапывает моя любимая девочка. И ей невдомек, что сегодня за день. Какая зараза в моей голове заменила место жизни.

И я иду так далее по жизни...

– Милый, ты проснулся.

Конечно, это не вопрос, это простая констатация факта. Она не любит вопросов. Никогда не любила. Ее всегда поглощала роль капитана Очевидность. Она с упоением любила повторять, что машина у подъезда стоит, потому что ее туда поставили, а полицейский берет взятки, потому что взяточник. Это была дилемма, и выходом из нее было только просто согласие.

– Да, я проснулся.

А что мне еще ответить? Что я вообще не засыпал? Кажется, она и так это понимает. Вот сейчас она скажет очевидное с таким видом, словно что-то сместится в пространственно-временном континууме и я стану дольше жить.

– Ты и не засыпал...

Ну вот, опять. Спасибо, солнышко, я уже знаю. И то, что проклятый рассвет таки вспух над горизонтом кровавым воспалением и лопнул во все стороны щупальцами розового сиянья, заливая солнечным гноем все вокруг. И вот еще моя годовщина...

– Нет. Я думал.

Ну да. Я всегда думаю. И чем ближе к часу. Чем, все дольше думаю. Все больше понимаю, что зря я потратил все отпущенное мне время на раздумья. Думал, когда уходил с работы. Думал, когда бегал по побережью

по раскаленному песку, пока Анька купалась. Думал, пока занимался с ней сексом. Постоянно с остервенением думал, думал, думал, думал. Все, что я мог и могу, это думать. Потому что я проклят, и ничего с этим сделать уже нельзя. Как я всех ненавижу...

– Еще год...

Спасибо, Капитан. Я знаю, что еще год. Я что тут, Ваньку за письку тереблю? Проклятое знание. Проклятый змей искуситель. Ты знал, на что шел, когда дал людям это знание. Когда вложил в какого-то идиота пути решения этого вопроса. Нет. Ты не дал людям знание о бессмертии и как его достичь. Ты дал нам знание, когда мы умрем. Вплоть до минуты. Ни места, ни обстоятельств, только минуты. И 100% попадание этих предсказаний убедило людей – это работает. И я, идиот, решился узнать.

– Да, еще год...

Годовщина. Годовщина смерти со знаком минус. Аня не решилась узнать и живет счастливо. Ей меня терпеть максимум год. А потом... Потом найдет другого, наверное. Того, кто не знает и не решился узнать. А потом назовет его трусом. Или соблазнит, притворится, что сама уже все знает. И все повторится. И еще один будет уныло смотреть на распространяющееся воспаление рассвета, с ненавистью считая минуты. А она будет просто констатировать факт. Через месяц ты труп. Но Ева не разделит судьбу своего Адама. Она просто найдет себе нового. Уговорит сожрать плод знания и дождетя, пока он сдохнет. И пойдет дальше...

– С годовщиной, Адик.

– Сука...

АННА МАМАЕНКО

Поэт, воспевающий дерево, пишет карандашом,
Пока его совесть качается в петле сигаретного дыма...
Он мечется в поисках выхода, думая, что вошёл.
А сам до того задумался, что просто протопал мимо.

Он тридцать три года с лишним сидел на своей печи,
Не замечая, как ветер под ним раздувает пламя...
Но даже среди пожарища он повторял: «Молчи!
Ибо, всё, что ни делается – делается не с нами»

При каждом удобном случае ему объясняют жизнь,
И применяют санкции, и принимают меры...
А для него без разницы – что кома, что коммунизм,
Лишь бы в пивную очередь пристроиться самым первым.

Он спит, когда вдохновение просится на постой.
Он ни во что не вмешивается, не думает, не гадает.
Он счастлив, что ружья мира его обошли стороной,
Не зная – в последнем акте и карандаш стреляет...

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ

Инцидент

В смену Павла Ивановича работает новая ассистентка, поэтому перед операцией он держит путь в палату, чтобы лично убедиться, что все в порядке. Две его ноги симметрично шагают по кафелю. Две ноги, две руки, два глаза, две почки, два легких... Все важные органы человеку даны парой, чтобы, если повредится один, ничего страшного не произошло. Павел Иванович вшивает малышам второе сердце. Чтобы не было путаницы, каждый младенец пронумерован. У четных номеров ампутируют сердце, чтобы вставить его нечетным. Так Наше Славное Государство совершенствует Человека.

В палате светло и надушено. В капсулах уютно спят рожденные вчера. Напоследок Павел Иванович проверяет номерки: какой пошел десяток? Вдруг доктор закашлялся, подавившись слюной: вместо номеров на капсулах - ИМЕНА! Костик, Сережа, Анечка, Машенька...

Да ты погоди руками махать, я говорю, так и было! За три смены тогда план провалили. А кто согласится живым людям сердце вырезать, ты, что ли! Можешь сам у Юльки спросить, отсидела уже, - листья вон по утрам подметает у КПП. Да я тебе и так скажу: чокнутая она, вот почему. Как не нашего века...

ВИТАЛИЙ СЛЮСАРЬ

Амбивалентно

Свершилось.

Две величайшие армии сошлись для финальной битвы к горе Меггидо.

По одну сторону поля грядущей битвы собрались силы Добра, осиянные светом небес. Они были неисчислимы, и над ними золотом сверкал девиз:
ДОБРО ПОБЕЖДАЕТ ЗЛО!

По другую сторону собирались силы Зла. Они были столь же бессметны, и тьма окутывала их сумрачным пологом. Но сквозь тьму пламенел багрово девиз:

ДОБРО ПОБЕЖДАЕТ ЗЛО!

И грянула битва.

Девальвация

День был прохладный. Открывались и закрывались чакры. Отмыкались и запирались двери. Распахивались и захлопывались глаза и окна. Расширялись и сужались сердечные и нефтяные насосы, прокачивая кровь и нефть. Люди-гусеницы вызревали в своих энергетических коконах дух, чтобы однажды он взлетел невидимой бабочкой. И унёс их, или что-то вроде них, с корочки земли, как испарившиеся водяные капельки в неведомый спиралеворот.

Сутулый человек, допустим, Иван Петрович, шёл своей дорогой с чувством сбившегося со своего Пути и с каждым шагом наполнялся важностью мысли. Мысли-то – в его голове и не было, но он всем телом ощущал тяжёлую-тяжёлую важность мысли, которой у него не было.

Ему явно чудилось, что он что-то потерял – и никак не может вспомнить что.

Вдруг он – также всем телом, содрогнувшись, – услышал звук стукнувшихся на дороге машин, лязг тормозов и замер.

– Это не вы потеряли? – услышал он голос за спиной.

Иван Петрович развернулся и расправился. Исчезнувшая сутулость вмиг преобразила его – он стал казаться выше и значительнее, но вместе с тем почему-то пропало это внутреннее ощущение важности.

Это его удивило – и в тот же миг по его взгляду рассеялась растерянность. Она росла и росла и выросла, наконец, вырастив заодно его глаза, когда он осознал, что рядом никого нет.

Он вернулся по дороге на пару шагов. На асфальте лежал клочок бумаги с одним рваным краем.

Иван Петрович поднял его с полным недоумением – это была разорванная денежная купюра с его собственным портретом номиналом в одно эго.

Где это может быть такая валюта, проговорил Иван Петрович сам себе в голову, вконец одурманенный.

Он вдруг посмотрел вверх и увидел, как небо взлетает над его взглядом высоко-высоко, бесконечно высоко в абсолютно бездушную безответную акварельную голубизну и его пронзило – от макушки до стоп, плотно прижатых подошвами к земле, – что он, наконец, совсем обесценился. Потерял свою цену.

КРИСТИНА КАРИМОВА

Ох уж эти зомби, или Тупиковая ветвь эволюции

Ох уж эти зомби! Житья от них нет никакого! Я, конечно, знал, что они время от времени в дома забираются, но чтобы в мой пробрались – такого еще не было. Потому и удивился очень. Подошел к своей избушке и вдруг – как обухом по голове – чую, зомби там! Руку даю на отсечение, внутри он. Затаился и выжидает.

Плюнул я с досады – вот некстати! У меня планы на сегодня совсем другие были, а сейчас придется вылавливать. Шагнул на порог, обвел комнату взглядом: где эта нечисть притаилась? Зомби они такие – с ними надо ухо остро держать. От их касаний кожа струпьями сходить начинается, потому и надобно поосторожнее.

Огляделся я кругом, присмотрелся. Ага, вот ты где, голубчик! Спрятался в углу и думаешь, что я тебя в темноте не замечу? А вот замечу! Глазато у тебя впотьмах посверкивают, они тебя и выдают. Сейчас бы только как-то аккуратно подобраться...

Я шагжок вперед сделал, гляжу, а зомби-то – самка! Волосы длинные всклокоченные и от платья одни лохмотья остались. А когда меня увидела, когти вперед выставила и зашипела, чисто змеюка. Да, голыми руками такую не возьмешь.

Сдернул я покрывало с кровати, чтобы на нее накинуть, а она – вот bestия! – вместо того, чтобы спокойно дожидаться, когда я ее выловлю, вдруг зыркнула глазами, да и метнулась прочь, словно рысь. Только ветер мне по ногам. Столик у кровати зацепила – склянки с травками да мазями так и посыпались на пол. Наткнулась на шкаф – чучела птичьи сверху пикировать начали, будто и не чучела вовсе. По комнате пух, перья снежной метелью. А этой страхолюдине все мало. Она в другой угол отскочила, а там кадушка с водой. Кадушка – на бок. Вода – на пол. Зомби взвизгнула и по кругу помчалась. Батюшки святы, чего тут началось! Пух летит, на полу потоп, зомби мечется и визжит, вещи сыплются. Светопреставление!

Я вперед бросился, покрывалом взмахнул, почти ухватил зомби эту дикую. Да вот незадача, кадушка под ноги попала. И покотился я кубарем, все углы пересчитывая. А зомбиха отскочила прочь, фыркнула, да и рванула по лестнице вверх, на чердак.

Поднялся я кое-как на ноги, с лица перья прилипшие обтер, покосился на лаз чердачный. Вот же шустрая, чертяка, попалась! Ну, ничего! Лаз узкий – никуда она оттуда не денется. Поднял с пола мокрое покрывало,

сунул подмышку и полез наверх.

Только я голову-то высунул, а эта стерва – не будь дура! – хватя меня за волосы. Благо, что я башку отдернуть успел. Успел, да не до конца. Чувствую, зацепила она меня. Пощупал рукой и понял, половины скальпа нет. Тут уж я разозлился не на шутку. Так вообще можно без головы остаться, а она у меня одна. Спустился вниз, взял метлу, накинуд на черенок покрывало. И пополз снова на приступ. Покрывало черенком вверх пропихиваю, сам за ним хоронюся, словно за шторкой. На ступенечку поднимаюсь – подожду. Еще поднимаюсь, еще подожду. А эта bestия тоже затаилась. Вот осталось совсем чуть-чуть, я изготовился, да и пихнул черенок вверх. Она прыг – и вцепилась в покрывало. Думала, что это опять моя голова. А вот и нет тебе, дурында!

Я черенок выпустил, да и хватя это чудовище прямо сквозь ткань. Она зубами щелкает, когти длинные так и клацают. А я перехватился поосновательнее, да и дернул ее вниз. Она кубарем и полетела. Высоко было – кабы упала, так разбилась бы сразу: плоть-то у зомби хрупкая. Но я наготове был, удержал. Рыпнулась она несколько раз, да и обмякла. От страха, наверное, в летаргию впала. В кому. Сознание, то есть, потеряла. Боятся они нас жутко. Да, может, и не зря. Большинство ведь наших как думает? Что изничтожить зомби надо. Ибо пользы от них никакой, а вреда много: пробираются в дома, вещи воруют. А что не своруют, так поломают. Вредные существа, в общем. Но я, по правде сказать, всегда полагал, что хоть они и зомби, а жить-то тоже хотят. Потому и решил сейчас отпустить эту, выловленную. Пожалел.

Вынес я ее наружу, положил в травку, потряс легонько. Она глаза открыла, меня увидела – да как заверещит. Рванулись, из покрывала вывернулась – и в лес. Только пятки засверкали. А я еще и улюлюкнул ей вслед – уж больно она дом-то мне испортила. Ну да ладно, подправлю. Зато доброе дело сделал: отпустил тварюшку на волю. Глядишь, у бога зачтется. Он-то ведь все свои создания любит. Не только нас, но и этих несчастных тоже.

Говорят, были эти зомби когда-то разумными, а сейчас выродились, одичали. А ведь раньше даже говорить умели. Слово зомби-то — из их языка. Живой мертвец значит. Это они нас так звали. Вот только убей, не пойму почему. Ведь живые-то мертвецы – это не мы, а они. Вроде и живы, да надолго ли? Без воздуха – умирают. Без еды и воды – тоже. Чуть холод больше или жара – тоже сразу мрут. Навсегда, между прочим. Не то что мы.

Пить, есть нам не надо. Холод, жара – нипочем. А что части тела иногда отваливаются, так ничего в этом мире не вечно. Главное, не запускать, а подправлять вовремя. Пойду вот сейчас себе скальп приклеивать. Если, конечно, найду чего из снадобий средь бедлама устроенного.

Вздыхнул я, разоренную комнату вспомнив, и поплелся навстречу ненавистной уборке. Ох уж эти зомби, тупиковая ветвь эволюции, один урон от них...

ЛЕРА ЛОГЧЕВА

О самой чудесной стране на свете

Солнечный свет ложился на тихие улочки. Деревья легонько шелестели, в воздухе пахло куличами. Редкие прохожие мягко ступали по тротуарам. Встречаясь друг с другом, они приподнимали шляпы в приветствии и расходились, не роняя ни звука. Румяный дворник подстригал кусты вдоль дорожек, стараясь негромко шелкать ножницами. Вдруг остановился, выловил из кармана телефон. Посмотрел время. Прислушался. Как тяжелой волной, город накрыло колокольным гулом. Прохожие встrepенулись и заспешили в храмы. Кто-то метался в нерешительности, не зная, что выбрать: храм с голубыми куполами через дорогу или с зелеными за углом.

Служение началось. С огромных окуриваемых ладаном мониторов на прихожан смотрели Его добрые полуприкрытые глаза. Облик был наполнен внутренним сиянием, губы трогала кроткая улыбка, лысина сверкала в лучах, будто полная луна. Он заговорил. Прихожане слушали, затаив дыхание. По лицам растекалась сладкая безмятежность. Он говорил отрывисто, емко, был краток. Никто и никогда после не мог вспомнить смысла его слов, но они грели душу, хотелось слушать, и слушать, и слушать...

Служение закончилось, мониторы погасли. Люди нехотя побрели на улицу. – Я так рад! – шептал кто-то в толпе своему соседу. – Хоть у нас и светское государство, но как страстно наши люди тянутся к истинной духовности – все, до единого!

И, переполненный счастьем, он тихо заплакал.

Василиски

«Земля была создана белым муравьем, принесшим ее из первородной бездны»...

А. Рекуненко, “Младешенька”

В одном селе родилась девочка с тяжелым взглядом. Кто встречался с нею глазами, непременно начинал хворать. Но пока мала была девочка и беда от нее была небольшая. Кто-то поранил руку, кто-то ушибся головой, мало ли, что случается на селе. Но вот исполнилось ей тринадцать, и послали ее родители коров пасти. Но вернулась девочка вся в слезах, а от коров на лугу остались одни камни. Все село было напугано до смерти. И решили родители для общей пользы ослепить свою дочь, дабы из глаз ушла зловещая сила. Так и сделали, но от этого ее дар только обострился. Через повязку, которая закрывала раны, постоянно сочилась кровь. Кто слышал ее голос, тех охватывало безумство, кто видел ее тень, задыхались, точно рыба на песке. Все село желало несчастной смерти. Ее родители устали сопротивляться молве и лунной ночью одели девочку во все белое, посадили в лодку и оттолкнули от берега. Девочка даже не заплакала, она не испытывала ни боли, ни страха, но когда звездное небо заволокла огромная туча, и подул ветер, она закрыла лицо руками и зарыдала. Слезы ее капали в речку, и на поверхность стала всплывать мертвая рыба.

Ранним утром лодка пристала к берегу, и девочка очутилась в лесу. Вдруг ее почему-то потянуло к старой осине. Обойдя ее три раза, девочка услышала голоса. Вмиг все оборвалось, и женский голос отчетливо произнес:

– Здравствуй дитя мое. Ты, наконец, вернулась туда, где тебе надлежит быть, – голос ее катился эхом.

– Я не вижу, – сказала девочка.

Тебе не нужны глаза, чтобы видеть, иначе ты принесешь себе вред. На тебя наложено заклятие, как на любого василиска.

– Значит я василиск?

– Да, очень сильный василиск. Ты способна испепелить город. Ты наша опора. Я наделю тебя даром превращаться в птицу, но дорога в человеческий мир тебе будет заказана.

– Это почему?

– Сила, что исходит от тебя, вредоносна для людей. Зачем обнаруживать себя раньше времени.

Женщина обняла девочку и та стала горлицей. Ее прозревшим очам

открылся удивительный мир. Женщина, которая говорила с ней, утонула в розовом тумане. В руке у нее был одуванчик, и все поле было усеяно отцветшим одуванчиком.

– Отныне ты способна видеть только наш мир – мир василисков. Мир людей для тебя – тьма.

Мало ли, много ли времени прошло с той поры – не ведомо, но только все больше хотелось девушке побывать в родных краях. И вот набралась она смелости, облетела горлицей вокруг заповедной осины и впорхнула в людской мир. Потемнело у нее в глазах и не знала горлица, куда летит, пока не изловил ее ловчий и не принес в дом.

– Смотрите, какую чудную птицу я поймал, – сказал ловчий родителям. И узнала горлица в голосе ловчего своего брата. И потемнели прутья железной клетки, где она сидела. Горлицу взяла в руки мать и стала сохнуть на глазах. Рванулась горлица и – в окно. Сделала круг над селом, и стало село грудой камней. Прилетела к василискам, а там уже обо всем знают.

– Помни свое родство, – говорили они, – не забывай, что мать твоя зачала от пыльцы папоротника, когда он цвел в середине лета.

Загрустила девушка. Чудный дар тяготил ее, она была пленница чужой силы.

Однажды, василиски внезапно снялись с места и ушли. Звали девушку с собой, но она не откликнулась. Как-то увидела она сад, сияющий золотыми яблоками, и поселилась в тени деревьев. А когда заходило солнце, выходила она из укрытия послушать музыку, которая доносилась из дворца.

– Кто так грустно поет? Песня его полна печали, – спросила она у дерева.

– Это ветер запутался в паутине, – ответило дерево.

На следующий вечер девушка опять вышла послушать музыку.

– Кто так дивно играет? Его музыка – безбрежная тоска, – спросила она у мыши.

– Это дождь опускается по трубам, – ответила мышь.

На третий вечер девушка услышала, как кто-то читает стихи.

– Кто это читает стихи, – спросила она у муравья, – они, словно горечь луны.

– Это несчастный царевич, ответил муравей. – Когда он спал, на него взглянула Луна, и он стал уязвим. Достаточно одного взгляда, чтобы убить его, поэтому он носит повязку на глазах.

– Со мною все наоборот, – сказала девушка, – мой взгляд смертелен для любого. Поэтому я тоже ношу повязку на глазах.

– У тебя было два глаза, – сказал муравей, – у несчастного царевича их четыре, точнее в каждом глазу еще по одному.

– Я хочу поговорить с ним, – сказала девушка, – можешь мне помочь?

– Ты должна мне обещать голову черной коровы, – ответил муравей.

– Будь по-твоему!

Муравей провел ее через трещину в башне, и девушка ощутила присутствие юного царевича. Он тоже, вдруг, перестал читать стихи, внезапно умолкнув. Между ними стало разрастаться молчание.

– Он – моя судьба, – сказала девушка, – но как мне посмотреть на него.

– Ты мне обещала голову черной коровы, – роптал муравей.

– Но ты обещал, что я с ним буду говорить, а он молчит.

– Сначала – голову черной коровы.

Девушка хотела что-то возразить, но тут муравей укусил ее, она вскрикнула и превратилась в черную корову. Теперь она могла видеть все вокруг, но ее голова была обещана муравью.

– Я помогу тебе еще раз, – сказал муравей, – и не стану требовать твоей головы, если пообещаешь мне кольцо из синего золота.

– Обещаю, – ответила несчастная и разрыдалась.

Юный царевич привязался к черной корове и был сильно опечален, когда поздно ночью ее угнали неизвестные существа похожие на людей...

<Здесь рукопись обрывается>

ЕЛЕНА ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН

Ночное бесструние -
не выть, а растерзать луну.
Полнолуние
на уснувших губах...
Придумать нового бога
с глазами как у тебя
и рядом прочих соответствий,
назвать твоим именем
и перестать верить в него как в тебя...
Но и на это нет воли.

Я знаю вашу руку с тыльной стороны...
Свеча мечтала стать коралловым полипом.
Не влюблена. Увы. И вы не влюблены.
Не о любви. Не с хрипотцой, а тихим хрипом.
Смотрю спокойно. Без надрыва чувств. Тиха.
Мне не хватает в пальцах томной сигареты.
Мы встретились сейчас для одного стиха
На кухне мрачной, необжитой, непрогретой...

Непроходящий Бог... а думалось иначе...
Какой грозой сегодня дышит наше небо...
Фальшивые монетки выбираю в сдаче.
Все пережито, я же говорю: вот мне бы
переписать, передышать, переродиться
и вновь в твоей судьбе случайно так случиться.

в чашке кофе –
армянский глаз...
ресницы
длиннее моей жизни...

АКРОСТИХИ

СТАНИСЛАВА ВОЙЦЕХОВСКАЯ

Жидкая злость и кипящая щелочь,
Иссиня-льдистые отблески стали:
Зимние призраки ждут тебя в полночь,
Новые знания множат печали.
Б

Резкость в мышлении, фразах и пластике.
Армагеддоном давно пахнет в воздухе.
Слепыми котятами бродят лунатики –
Кривые тропинки ведут к невозможности.
Осень раскрыла могилы объятьями –
Ловчие сети плетет с осторожностью.

Красные нити в памяти тлеют:
Разорванность слов, лабиринты и эхо.
Умерли сказки абсентовой феи,
Горечь полыни во рту – не помеха
Осень ловить, но быть пойманным ею.
Вычурность строчек, тоска, осторожность –
Ослаблена хватка, как ни крути,
Режешь с разами всё глубже по коже,
Обходишь по кругу все жизни пути,
Только свой собственный выбрать не можешь.

Зеркало — вдребезги, залы в дыму,
Осень кусает за бок луну,
Вой созывает нас всех на войну.

Дело колдовское

Никто в Старых Вязах не знал, откуда он взялся, колдун. Он просто был - всегда, жил в лесу за оврагом, внушал, как положено, страх и благоговение.

Когда Ташка была маленькая, она часто у матери спрашивала: а как колдуна зовут, что он ест, почему не ходит ни к кому в гости, почему бороду бреет... Мама в ответ только хмыкала, отмахивалась: вот пойдёшь прокалываться-то – сама у него и спросишь. От странного слова становилось не по себе, в животе делалось пусто, а в голове – прохладно. Старшие сёстры хихикали, переглядывались лукаво. Потом Ташка подросла – и уже не спрашивала, всё рассказали подружки шёпотом, всё расписали: и как пыхтит злыдень тебе в ухо сзади, наваливается, и как стыд твой у тебя в середке больно лопается, наружу красным выливается... Слушать было и сладко, и противно, не слушать – невозможно.

Просватали Ташку за Терёху, мельничьего сына из Коробов, что за лесом: родители сговорились, а она-то жениха и в глаза не видела. Но знать про себя было приятно: взрослая уже, девушка, невеста... Да, к тому же, мельница, жизнь безбедная будет, в достатке. Свадьбу, как положено, назначили - в червне, на другой день после Ташкиного 16-го рождения. Но до свадьбы, как водится, - к колдуну. Без этого никак: иначе разозлится изверг, нашлёт неродицу, засуху, жуков поганых. Вон Анку юродивую пожалела мать, не пустила к колдуну прокалываться – так в деревне в тот год все поля град побил... Прогнали их из Вязов тогда, всю семью Анкину, и дом сожгли.

Вот выкинет колдун «красный флаг» - честь и почёт девушке, что в чистоте себя до свадьбы сберегла. А нет – так ни свадьбы не будет, ни жизни: забьют такую камнями да дрекольем. Правда, на Ташкиной памяти не бывало этого: видно, блюли себя девушки достойно. Потому и отбоя от женихов в Старых Вязах не было, с дальних хуторов даже сватать приезжали, и так брали, без приданого вовсе – колдунова «печать» дороже приданого почиталась.

Она вошла – и застыла на пороге: грязные ноги босые, взмокая от страха пегая чёлка, круглые совиные глаза, руки комкают старую простыню... Он вздохнул, кивнул, молча указал ей на стул. Вышел в сени,

возился, позвякивал чем-то. Ждала, скручивая нервно в кольцо нижнюю губу, чувствовала в животе пустоту, в голове – прохладу... Вошёл – палец перемотан тряпицей, через плечо – ветхая простыня, на ней алая кровяная клякса расплылась... Глядела на его руки, все в белых рубцах и шрамиках... Поняла. Рванулась. Схватила эти увечные пальцы, бережно поднесла к губам... Целовала. Он смотрел недоумённо, чуть жалостно. Прильнула вдруг, прижалась, пыхнула огнём – как с горы вниз полетела: возьми! Мотнул головой, оторвал от себя, указал на дверь: уходи! А если останешься – так навсегда. Со мной. Хочешь? Заглянула в глаза, налитые звериной тоской, провела рукой по худой безбородой щеке...

Ташка в деревню так и не вернулась, да и колдуна с тех пор никто больше не видел. Болтали, конечно, всякое. Но дело ж колдовское, тёмное... А Терёха той же осенью женился: мало ли в Старых Вязах хороших девушек...

ВИОЛЕТТА ВОРОНОВИЧ

Быт

В моей квартире невозможно уснуть после двух часов ночи. Сначала начинает храпеть мой сосед. Он работает с рассвета и до темна. Вечером еле заметной тенью втекает в подъезд, курит на пролёте между вторым и третьим этажами, карабкается по лестнице дальше, открывает свою дверь и пропадает до следующего вечера. Для всех, кроме меня.

Но не только он мой спутник. Четыре часа – яростным гомоном оповещают округу о своём пробуждении жители соседней крыши. Огромная стая толстых чашек счастлива жизнью. Чайки папы, чайки мамы, чайки дети... За своими делами они никогда не узнают, что их назойливый крик важный знак для меня в бессонные ночи. Четыре пятнадцать. Беру куртку и иду на кухню. Быстро рву хлеб на мелкие кусочки. Когда хлеба мало собираю во всей кухне любую еду. Дальше начинается совсем уж... патология. Я рассыпаю часть снеди по полу, от батареи возле окна и до противоположного конца моей кухни – к шкафу под раковиной. Приветственно раздвигаю шторы. Пол пятого. Гости прибывают.

Скажу вам, что первый раз это было очень страшно. Ночью я готовилась к экзамену, чайки кричали... В кухне что-то произошло. Разом квартира наполнилась гомоном и странным запахом. Перепуганная, я побежала на звук. Стоило включить свет и распахнуть дверь на кухню, как на меня вывалилась целая толпа странных существ. Все серые и скользкие,

хрюкают и тыкаются мокрыми мордами в ноги, мечутся от стены к стене. Следом за стадом на меня из кухни вывалился и пастух. С полбатареи ростом. Гуманоид, серый и скользкий, как его стадо. Кричал визгливо. Махал ручками, выражая возмущение. Заметил меня, и, не сбавляя оборотов, продолжил кричать. Не дождавшись моей реакции, пастух принялся сгонять разбредшихся «поросят» на кухню и пихать их в шкаф под раковиной. Он делал это так долго и шумно, что я просто устала стоять в ступоре, пришлось помогать.

Теперь подобные перегоны скота проходят гладко. «Свинки» идут себе по выложенной мной тропинке, подбирая крошки, а пастух всегда лопает пригоршнями сахар и пьёт горячую воду. Жаль, что он не может мне рассказать о своём мире. Я знаю только, что там очень холодно, так как из-под батареи, откуда идёт стадо, всегда тянет морозцем, и пальчики у гуманоида просто ледяные. Изучала стену под батареей и раковиной. Нечего. Стадо появляется из ниоткуда и уходит в никуда.

Пастух всегда уходит последним и прихватывает с собой мои ложки. Я всегда предлагаю ему ложку для того, чтобы есть сахар. Но ему нравится есть руками, а ложку он пихает в карман.

Я знаю, что если лечь спать вовремя, то ночь пройдёт без перегона стада...но зачем?

ВАЛЕНТИН ГУСАЧЕНКО

Старуха

Кличка у нее была обидная. Так за глаза называли нерадивые гости. Старуха.

И это при ее пятидесяти. Старая мать-одиночка, седая и толстая. И работа у нее была под стать.

Вахтерша. Но руки крепкие, глаз – соколиный. Мощь и сила.

Такая и блоху не пропустит. Курицам ходу совсем не было.

Две размалеванные пигалицы, облепленные блестками, будто новогодние игрушки, зависли на вахте:

– Маааарь Палнааа, ну пропустите к Землянухину? – клянчили девки, с трудом стоя на высоченных каблуках. Ноги предательски подгибались, отчего красавицы смешно дергались из стороны в сторону.

Длинные разноцветные косы свисали едва не до оголенных задниц. В полупрозрачном пакете недвусмысленно звенела стеклянная тара. От дам крепко и сильно разило. Как они не старались, а щенячьих глаз на их разобранных лицах не выходило. Выходили только пьяные, перекошенные рожи, наспех измазанные тональным кремом.

– Ну, пожалуйста, – промычала первая из них, – он нам по математике должен помочь! Матан объяснить нужно, во!

“Какая наивная простота” – мелькнуло в глазах у Марии Павловны.

– Нет, девоньки, – старуха подобралась, сжалась пружиной, – не пушу я вас, даже не просите.

– Почему вы такая вредная? – неожиданно выпалила вторая и подозрительно икнула.

– Ага! Почему? – поддержала ее подруга.

Вахтерша взяла паузу, поправила очки, зло посмотрела на первую – эта казалась трезвее – и сквозь зубы прошипела:

– После ваших походов к Землянухину всему общежитию тошно! Да и сам парень жалуется! Одни беды от вас, девоньки! Шли бы вы домой по добру по здорову!

Повисла тишина. Блывшая искусственными ресницами, барышни тарачились на Старуху, судорожно соображая, что же пошло не так в их безупречном плане.

– Больно надо было! – рассмеялась первая и картинно трянула волосами.

– Кому он нужен, ваш Землянухин? Ботаник. Хе! Пошли, подруга!

Вторая только кивнула, отшатнулась от стола и едва слышно пропищала, уходя:

– Старуха...

Спустя пять минут комната выветрилась...

Старушка устало вздохнула и тихонько заплакала.

Андрей Петрович достал из стола пачку сигарет и судорожно закурил. Телохранитель Валера топтался возле шефа, тряся перед носом свежей газетой:

– Мимо пролетели, мимо!

Валера светился от счастья.

– Обе кометы пролетели мимо!

– Почему? Я уже приготовился, – Андрей Петрович указал глазами на потолок, – туда.

– Спасибо Луне!

– Да, ну... Серьезно?

Чудесное возвращение

В то утро Онуфрий покинул полис засветло. Ночная прохлада ещё не уступила место привычному для этих широт зною. Путь предстоял неблизкий, да и день обещал быть жарким. Онуфрий торопился. Это был его последнее путешествие в греховном, суетном мире. За долгие годы жизни Онуфрий вдоволь насмотрелся на тлетворность и развращённость города. Ещё недавно он занимал родном полисе высокий пост, честно исполняя свой долг перед вселенским императором. За верную службу Онуфрий не раз получал богатое вознаграждение. Он был влиятельным и уважаемым гражданином...

Долгие годы вся сладость мирской жизни претила Онуфрию. Вопреки воле отца, он решил вырезать себя из жизни погрязшего в грехах полиса. Как ни пытался Онуфрий отринуть от себя преходящую суету, она мешала его главным занятиям – молитве и покаянию.

С годами Онуфрий все более разочаровывался в мирском пути. Даже недавнее разрушение языческих храмов не помогло людям стать даже немного лучше. Для пустого развлечения его единоверцы продолжали посещать ипподром и термы. Среди многочисленной родни только Онуфрий всерьёз задумывался об участи души.

В должный час ещё недавно именитый гражданин стал послушником в ближайшем монастыре. Большую часть своего имущества Онуфрий пожертвовал городским базиликам и больнице. В монастыре он с радостью брался за самую тяжёлую физическую работу.

Во время путешествия послушник думал о предстоящих искушениях, о борьбе с грехом и постоянном молитвенном бдении. Неожиданно, пересекая старый деревянный мост через реку, Онуфрий оступился. Послушник кубарем полетел вниз. Онуфрий не знал глубины реки, но падение с большой высоты не предвещало ничего хорошего. Краями одежды он зацепился за толстые ветви росшего на склоне дерева. Падение прекратилось. Перепуганный Онуфрий отдышался. Он отделался несколькими царапинами и ушибами. Переломов не было.

Послушник огляделся и попытался пошевелиться. Он висел на ветвях в нескольких метрах от воды. Собравшись с силами, Онуфрий, обдирая одежду, вскарабкался по стволу и спустился к воде. Быстрая река шумела, обдавая человека прохладными каплями. Каким чудом было то, что он спасся! Переведя дух и подкрепившись лепёшкой, Онуфрий осмотрелся по сторонам. Перед ним предстала живописная долина. Послушник ни разу

не замечал её, много раз путешествовал в монастырь, расположенный в знойной безжизненной пустыне. До сегодняшнего дня он вообще не знал о существовании этого милого места. Палящие солнечные лучи ещё не вытеснили остатки неги и ночной прохлады. Склоны долины были покрыты густыми зарослями кедра и кипарисов. Ближайшие деревья, словно чудесным орнаментом, были покрыты вьющимся диким виноградом. У ног благоухали удивительной красоты цветы. Онуфрий потерял дар речи. Каких только соцветий не было здесь. Розовые, алые, синие, белые цветы, словно осколки потерянного рая, украшали свободные от деревьев поляны. Тут же жужжали пчелы и шмели. В соседних зарослях дивными голосами пели птицы. Солнце играло в искрящихся потоках чистой прохладной воды. Вечная жизнь облюбовала это место. Прекрасное бытие царствовало здесь во всей красе. Разнообразная, развивающаяся красота не покидала этих мест от сотворения мира...

Несколько часов Онуфрий простоял как вкопанный. Поражённый первозданной красотой, он боялся пошевелиться. Затем мужчина стал прикидывать, как ему выбраться и сократить путь до дома, где горевали близкие. В тот момент умиротворённый Онуфрий осознал, что за последние годы даже не ступал на священный внутренний путь...

ИРИНА СТАНКОВСКАЯ

Мечта о море

Аля с детства мечтала увидеть море, но к ее огорчению родители когда-то побывали там и не стремились повторить поездку.

А Але снилось море, каким она видела его по видео: большое и синее, смыкающееся на горизонте с небом, усеянное там и сям рваным кружевом белой пены. Однажды подруга привезла ей с моря несколько камушков. Аля долго принималась и наконец-то уловила слабый, не похожий ни на что запах. Мама отмыла камни, но все равно запах остался, и Аля время от времени подносила к лицу отполированные морем подарки и вздыхала от счастья.

После школы Аля поступила в институт и затем стала агрономом на плантации водоносов. Она любила эту работу, ей нравилось смотреть, как раскрываются зеленые бутоны и вытекающая из них жидкость весело течет в резервуар. Когда-то люди легко добывали воду, но после Беды почти вся жидкость на Земле была отравлена. Задолго до рождения Али ученые вывели новый вид растений-фильтров – самый экономичный способ

очистки воды. Повсюду возникли плантации водоносов, без устали качающих воду на благо людям. Когда водонос умирал, он тоже шел в дело: одежда из его волокна была прочной и приятной на ощупь.

После Беды на Земле уцелело несколько чистых водоемов, и все они находились под охраной. Проработав полгода на стратегическом объекте, Аля получила пропуск на море. Она вписала туда родителей, но те отказались.

- Не поеду я на это море! – фыркнула мама.
- Зря ты так, - укорила ее Аля, - всем же нравится!
- Нет, дочка, - сказал папа, - мы не поедем.

Аля купила билет на дирижабль и полетела на встречу с мечтой. Всю дорогу она глядела в окно на проплывающие под круглыми боками аппарата пожухлые леса, мертвые реки, купола и плантации водоносов.

Наконец они достигли станции «Море». Вежливый офицер из Бюро пропусков проверил документы и, узнав, что Аля приехала одна, тут же пригласил на свидание. Аля была красивой девушкой с лицом, сиявшим даже сквозь матовый пластик защитного шлема.

У шлюза перед входом в отель Аля повесила скафандр в приготовленный для нее именной шкафчик. В уютном номере Аля надела купальник, сарафан, шлепанцы из корня водоноса и спустилась на первый этаж. У таблички «К Морю» она на секунду замешкалась и с трепетом в душе открыла дверь.

Яркие зонтики и шезлонги на желтом песке, загорелые люди, ленивые синие волны, пушистая белая пена - все, как по видео. Под любопытными взглядами она направилась к морю. Аля увидела гладкие камушки у кромки прибора и нежно улыбнулась детским воспоминаниям. Вода пахла не так, как она ожидала, но тоже приятно. Вскоре Аля уже плескалась в ней, попискивая от восторга.

Вечером, гуляя с приятным офицером Пашей по променаду, они три раза обошли море. Сквозь купол мерцали звезды. Шевеля листья водоносов, дул ветер, совсем как настоящий. Паша с намеком сказал ей, что у моря большие плантации водоносов, и агроном никогда без работы не останется. Аля слушала и улыбалась. А очутившись в своем номере, почему-то заплакала и плакала долго-долго.

Пир асгардских богов

Было на самом деле солнце лимоном, и асгардские боги, большие любители кислоты, как известно, решили испить его огненный сок, ибо надоел им пресный космический эфир, и захотелось небожителям гурманического разнообразия.

Собрался совет; стали решать, кому из Великих Асов достанется честь выжимать светящийся шар, и сделалась ужасная ссора между Тором, Локи и Хёймдаллем.

Тор кричал, что ударит мощно своим чудесным молотом по солнцу и разом вся влага из него вытечет, напьются боги до пресыщения, а более всех достанется нектара мудрому Одину.

Локи отвечал на это, что Тор – варвар, разобьёт он совершенно напрасно солнечный сосуд, и много сока пропадёт неупотреблённым. Сам же он предлагал сконструировать такую чудную машину, чтобы можно было с её помощью сжать вожделенную звезду с двух сторон и выдавить всю жидкость по капле, ничего не потеряв из драгоценного нектара.

Хёймдалль же смеялся над ними обоими, обвиняя Тора вместе с Локи, а самого хитреца в излишней заумности предложенного плана и предоставил другой вариант оного, в котором он, Хёймдалль, трубит в громадный свой рог, от звука которого мертвеет всё, что ни есть живого, а мертвецы ворочаются в своих могилах, и меркнет солнце, а звёзды тухнут, как искорки под водопадными струями. Солнце же ужаснётся, вспотеет в диком страхе перед звуковой лавиной могучего горна, и карлики оботрут светило волшебными полотенцами, выжмут их в бездонные боговы кружки, после чего начнётся великий асгардский пир, каких ещё не бывало во веки веков.

Призадумался Один над словами Великих Асов, посоветовался со всей своей свитой, и постановили они, что самым верным и изысканным способом соковыжимания будет Хёймдаллев.

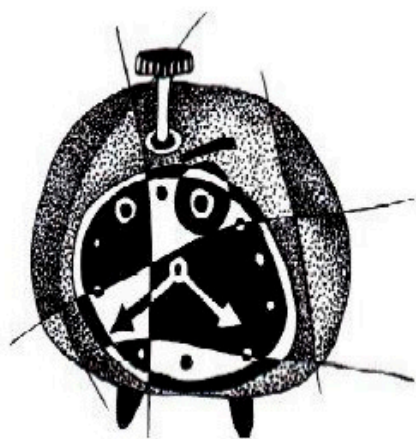
Возликовал Ас, и затрубил в волшебный рог; омертвело всё живое, а мёртвое задвигалось под могильными камнями, небо вспенилось, а моря изукрасились пушистыми облаками. Солнце покрылось серебристым густым потом, обтёрли его карлики в соответствии с планом, и боги начали свой великий пир.

Гульбище это получило в простонародье наименование Рагнарёк...

ПЕРСОНАЛИИ

- Баженова Тانيا** г. Краснодар.
- Бобылев Дмитрий** г. Серов. Филолог.
- Войцеховская Станислава** г. Краснодар.
- Воронович Виолетта** г. Магадан.
- Гаркуша Ирина** г. Краснодар. Член Союза художников России.
- Градов Игорь** г. Москва.
- Григорov Никита** г. Донецк.
- Гусаченко Валентин** ст. Кагальницкая, Ростовской обл.
- Ивченко Елена** г. Тильф, Бельгия. Филолог.
- Карасёв Иван** г. Краснодар. Член союза писателей России. Член союза журналистов России. Создатель полисинтетического языка араху.
- Ками Екатерина** г. Краснодар.
- Каримова Кристина** г. Киров.
- Логичева Лера** г. Санкт-Петербург.
- Мамаенко Анна** г. Краснодар. Выпускник литинститута им. Горького. Член Союза журналистов.
- Насонов Андрей** г. Краснодар.
- Пшеничникова Софья** г. Екатеринбург.
- Слюсарь Виталий** г. Запорожье. Переводчик.
- Станковская Ирина** г. Москва.
- Тихомиров Максим** г. Санкт-Петербург.
- Тулина Светлана** г. Санкт-Петербург.
- Франич Артём** г. Краснодар.
- Черепанов Максим** г. Екатеринбург.
- Шенцов Максим** г. Белгород. Кандидат исторических наук.
- Шуваева-Петросян Елена** г. Ереван, Армения. Член Союза писателей Армении. Главный редактор журнала «Армения Туристическая». Официальный представитель «МФРП-IFRW» (Международной Федерации Русскоязычных Писателей).

ISSN 2308-0744

9 772308 074007